

Слепой / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Слепой / рассказ СЛЕПОЙ

Откуда этот восторг при первом появлении солнца? Почему этот свет, падающий на землю, наполняет нас таким чувством радости жизни? Небо синее-синее, вокруг все зелено, дома все белые; наши восхищенные взоры упиваются яркостью этих красок, веселящих душу. И нас охватывает желание плясать, бегать, петь; в нас пробуждается счастливая легкость мысли, какая-то всеобъемлющая нежность, и хочется расцеловать солнце.

Слепые же, сидящие у дверей, нечувствительны к вечно окружающему их мраку и, как всегда, спокойны среди этой новой радости; не постигая ее, они ежеминутно успокаивают свою собаку, которой хотелось бы порезвиться.

Когда же на исходе подобного дня они возвращаются домой, держась за руку младшего брата или крошки-сестры, то на слова ребенка: «Какая сегодня была чудная погода!» – слепой обычно отвечает:

– Я сразу заметил, что погода хорошая: Лулу не сиделось на месте.

Я знавал одного из таких людей, жизнь которого была жесточайшим мучением, какое только можно себе представить.

Это был крестьянин, сын нормандского фермера. Пока отец и мать были живы, о нем еще мало-мальски заботились; он страдал лишь от своего физического недостатка, но как только старики умерли, существование его сделалось ужасным. Одна из сестер приютила его у себя, но все на ферме обращались с ним, как с бездельником, который отнимает хлеб у других. Каждый раз за столом его попрекали этим хлебом, называли лодырем, деревенщиной, и, хотя зять захватил его долю наследства, слепому жалели похлебки и давали ровно столько, чтобы он не умер с голоду.

Лицо у него было без кровинки, а большие глаза белые, как облатки; он оставался безучастен к обидам и так замкнулся в

себе, что незаметно было, чувствовал ли он их вообще. Впрочем, он и не знал, что такое нежность, даже мать обращалась с ним всегда сурово и совсем его не любила: в деревне бесполезные люди – только помеха, и крестьяне охотно поступали бы по примеру кур, которые заклевают слабых цыплят.

Покончив с супом, он садился летом у порога, а зимой у печки и уж больше не сходил с места до самого вечера; он не делал никаких жестов, никаких движений, и только веки, волнуемые каким-то нервным страданием, опускались иногда на белые пятна его глаз. Были ли у него разум, способность мыслить, ясное представление о своей жизни? Никто не задавал себе таких вопросов.

Так прошло несколько лет. Но в конце концов неспособность слепого к труду, а также его невозмутимость ожесточили родню, и он стал козлом отпущения, чем-то вроде шута-мученика, жертвой природной жестокости и дикой веселости окружавших его дикарей.

Изобретались всевозможные злобные шутки, внушаемые его слепотой. И, чтобы возместить себе то, что он съедал, время его обеда превратили в часы забавы для соседей и пытки для калеки.

На это веселое зрелище собирались крестьяне из соседних домов, об этом сообщали из дома в дом, и кухня фермы всегда бывала битком набита. На стол перед миской, из которой слепой начинал хлебать суп, сажали кошку или собаку. Животное, чутьем угадывая немощность человека, подкрадывалось и начинало бесшумно и с наслаждением лакать; когда же более громкое лаканье возбуждало внимание бедняги, животное благоразумно отодвигалось, чтобы избежать удара ложкой, которую слепой наудачу размахивал перед собою.

Тогда зрители, толпившиеся вдоль стен, разражались хохотом, подталкивали друг друга, топали ногами. Он же молча продолжал есть правой рукой, защищая левой свою миску.

Его заставляли жевать пробку, дерево, листья, даже нечистоты, которых он не мог различить.

С течением времени надоели и эти шутки, и зять, вне себя оттого, что надо вечно кормить слепого, стал его бить, осыпать

пощечинами, потешаясь над тщетными усилиями бедняги защищаться или самому нанести удар. Возникла новая игра: игра в пощечины. Возчики, работники, служанки непрестанно били его по лицу, от чего он постоянно мигал. Он не знал, куда скрыться, и все время стоял с вытянутыми руками, чтобы уклониться от нападений.

В конце концов его принудили просить милостыню. В базарные дни слепого ставили на дорогах, и как только до его слуха доносился шум шагов или стук катящейся повозки, он протягивал шляпу, бормоча:

– Милостыньку, подайте милостыньку...

Но крестьяне не расточительны, и в течение целых недель он не приносил домой ни гроша.

Это возбудило против него настоящую ненависть, безжалостную, неистовую. И вот каким образом он умер.

Зимой земля была покрыта снегом и стояли страшные морозы. Однако же как-то утром зять отвел его просить милостыню очень далеко, на большую дорогу. Он оставил его там на целый день, когда же наступила ночь, уверил своих домашних, что не нашел его, и при этом добавил:

– Довольно, нечего о нем беспокоиться. Должно быть, кто-нибудь увел его, чтобы он не замерз. Ей-ей, не пропадет. Наверняка завтра же явится за своим супом.

На следующий день слепой не явился.

После долгих часов ожидания, окоченев от холода, чувствуя, что он замерзнет, слепой решился идти. Не различая дороги, скрытой под снежной пеленою, он блуждал наобум, падал в канавы, подымался и молча шел дальше, в поисках какого-либо жилья.

Но ледяное оцепенение постепенно овладевало им, и, не в силах больше держаться на слабых ногах, он сел посреди поля. И больше не поднялся.

Белые хлопья снега сыпались, не переставая, и заносили его, пока, наконец, окоченевшее тело не исчезло под бесконечно нараставшей снежной массой. Ничто больше не выдавало места, где находился его труп.

Родственники делали вид, будто справлялись о нем и будто бы искали его в течение целой недели. Они даже поплакали.

Зима стояла суровая, и оттепель наступила не скоро. И вот как-то в воскресенье, идя к обедне, фермеры заметили большую стаю ворон, которые то кружились над равниной, то опускались черным дождем на одно и то же место, улетали и вновь возвращались.

На следующей неделе они все еще копошились там, эти мрачные птицы. Они тучей застилали небо, как будто слетелись со всех сторон горизонта; с громким карканьем опускались они в сверкающий снег, покрывая его причудливыми пятнами, с ожесточением рылись в нем.

Один мальчуган отправился взглянуть, что они там делают, и наткнулся на труп слепого, уже наполовину сожраный, истерзанный в клочья. Исчезли его белые глаза, выклеванные длинными прожорливыми клювами.

Ощущая живую радость солнечных дней, я уже не могу теперь отделаться от печального воспоминания и грустной мысли о бедняге, до того обездоленном при жизни, что его ужасная смерть принесла облегчение всем, кто его знал.

* * *

Напечатано в «Голуа» 31 марта 1882 года.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.
Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Н.Гарвея. Некаýаlar